

В этот момент и лекарь Ван, и Ай Ливэнь, и остальные врачи сидели с видом людей, ожидающих занимательного зрелища. Они предвкушали, как рецепт Цзо Хунцю станет той самой последней соломинкой, что сломает хребет верблюду. Пропрактиковав в столице много лет, они впервые столкнулись с женщиной-врачом, да к тому же ведущей себя не самым смиренным образом. На душе у них было беспокойно, словно кто-то бесцеремонно вторгся в исконно мужскую вотчину.

В комнате царила тишина. Все взгляды были прикованы к дверному проему, словно люди не могли обрести покой, пока там не появится кормилица.

Наконец, когда та, осторожно ступая, вошла в комнату с чашей отвара в руках, все присутствующие невольно выдохнули. Казалось, судьба А-Ху, а вместе с ней и будущее всей Резиденции Девятого князя, в этот миг была неразрывно связана с тем, что находилось в чаше.

Цзян Ляньцин, едва сдерживая рыдания, прошептала: Дитя моё, открой же глаза, сжалься над матерью, чье сердце разрывается от боли.

А-Ху лежал на руках у служанки, едва дыша. Его нежные ручки безвольно свисали, и в нем не осталось ни следа от того жизнерадостного ребенка, каким он был еще несколько дней назад.

Отвар в чаше не казался таким мутным, как лекарство лекаря Вана. Напротив, от него исходил знакомый всем аромат, но, не видя состава, никто не мог вспомнить, что это за запах.

Кормилица дрожащими руками зачерпнула ложкой немного снадобья, осторожно подула на него и, убедившись, что отвар не слишком горячий, медленно поднесла ко рту А-Ху.

Мальчик, который из-за постоянной рвоты и долгого голодания был совершенно истощен, почувствовав ложку, на автомате приоткрыл рот и проглотил содержимое.

Кормилица радостно восторгалась и подала еще несколько ложек — А-Ху послушно их проглотил.

Цзян Ляньцин, пораженная и обрадованная, посмотрела на Лэн И, который в тревоге застыл поодаль: Господин...

Лэн И не скрывал надежды, но после стольких неудач боялся поверить в успех, опасаясь, что разочарование окажется лишь больнее.

— Посмотрим, что будет дальше, — коротко бросил он.

Лекарь Ван наблюдал с холодным скепсисом. Его собственное лекарство А-Ху пил точно так же, но спустя совсем немного времени желудок ребенка реагировал бурным приступом рвоты, перечеркивавшим все усилия.

Ай Ливэнь уже готовился к триумфу: как только А-Ху вырвет, он задаст этой тщеславной княгине Цзю хорошую трепку. Пусть знает, что говорить можно что угодно, но за слова нужно отвечать — особенно если ты молода и самоуверенна.

Остальные врачи перешептывались, обсуждая, какой именно ингредиент использовала княгиня Цзю и не проявятся ли симптомы позже. Большинство из них были настроены скептически и ждали провала.

Лишь Лу Тайхун внимательно наблюдал за реакцией А-Ху. Судя по их прошлой встрече, княгиня Цзю не стала бы действовать без твердой уверенности, и каждый компонент в её рецепте имел смысл.

Ароматическая палочка в комнате догорела, окутав помещение тонким запахом.

Спустя долгое время кормилица воскликнула: Не вырвало! Маленький господин не вырвал!

Только тогда люди осознали: прошло уже целое время сжигания благовоний, а А-Ху всё еще лежал на руках у служанки, и, кроме слабости, никаких других симптомов не было. Лекарство действительно не вызвало отторжения.

Это чудо, настоящее чудо!

Цзян Ляньцин тихо вскрикнула, поспешно перехватила А-Ху и прижала к груди. Все её сомнения в Цзо Хунцю исчезли без следа. Ведь ни именитый Лу Тайхун, ни лекарь Ван не смогли остановить рвоту, а стоило прийти княгине Цзю, как всё прошло.

Как было не ликовать матери, чье сердце так долго обливалось кровью из-за сына?

Взгляды врачей сменились с насмешливых на серьезные. За этой кажущейся невозможностью стояло то самое чудодейственное лекарство, что дала княгиня. Умы медиков живо заработали — каждому не терпелось узнать, что это за волшебная трава.

Лица лекаря Вана и Ай Ливэня почернели. Они не ожидали такого исхода, но, видя радость на лицах хозяев дома, не смели выказать недовольство и лишь стиснули зубы.

Цзо Хунцю, казалось, заранее предвидел реакцию ребенка. Он обратился к кормилице: Принесите отвар женьшеня.

— Слушаюсь, ваша светлость.

Поскольку лекарство подействовало, отношение кормилицы к нему изменилось, и стоило ему отдать приказ, как служанка тут же выбежала из комнаты.

Когда дымящийся отвар принесли, Цзян Ляньцин сама присела на край кровати и начала поить А-Ху.

— Две порции, — произнес Цзо Хунцю.

Все врачи, включая Лу Тайхуна, вздрогнули. Нужно понимать, что в древности женьшень был не чета нынешнему — даже обычный отвар обладал колоссальной силой. Взрослый человек еще мог выдержать такую дозу, но ребенок, страдавший от жара и расстройства желудка, а теперь и рвоты, был слишком слаб. Подобное «лечение» казалось верным способом навредить.

Очевидно, княгине просто повезло, и теперь она, ослепленная успехом, решила совершить грубейшую врачебную ошибку. Врачи молчали, ожидая, когда она сядет в лужу. Лишь Лу Тайхун нахмурился: Княгиня, боюсь, это не совсем уместно.

Цзо Хунцю улыбнулся: Старец Лу, не беспокойтесь, я знаю, что делаю.

Увидев прежний успех, Цзян Ляньцин после секундного колебания всё же дала ребенку почти две порции отвара.

Однако вскоре после этого А-Ху начал проявлять признаки беспокойства. Хотя рвоты не было, ребенок хмурился, непрерывно стонал, а его конечности начали хаотично двигаться, словно в предсмертной агонии.

Все запаниковали. Цзян Ляньцин, покачивая сына, заливалась слезами: А-Ху, А-Ху... Что с тобой? Не мучай мать, умоляю!

Ай Ливэнь усмехнулся: Маленький господин болен от холода. Едва ему стало чуть лучше, как она дала такой мощный тонизирующий отвар! Кто же так лечит ослабленного ребенка? Разве можно так злоупотреблять женьшенем?

Лекарь Ван покачал головой: Молодость — это всегда излишняя поспешность.

Вскоре после того, как А-Ху начал беспокойно метаться, атмосфера в комнате, только было ставшей спокойной, вновь накалилась до предела.

Лэн И смотрел на сына, словно дикий зверь, готовый растерзать любого. Шрам на его щеке налился синевой и, казалось, вот-вот разойдется. Надежда, едва вспыхнув, была безжалостно растоптана.

Цзян Ляньцин, прижимая ребенка к себе, рыдала: Что же теперь делать, что же теперь...

Лу Тайхун вздохнул, понимая, что Цзо Хунцю слишком уж доверился своей самоуверенности.

Остальные врачи только качали головами — А-Ху был на грани. Никто из них не хотел связываться с этим безнадежным случаем.

Лекарь Ван сделал скорбное лицо: Боюсь, что...

Видя, как врачи отстраняются, Цзян Ляньцин, не в силах сдержать гнев, взглянула на Цзо Хунцю: Почему А-Ху стал таким? Княгиня, у вас были дурные намерения? Говорите!

Не дожидаясь ответа, она обрушила на него поток обвинений: Вы затаили злобу на А-Ху из-за расходов Резиденции Девятого князя? В прошлые дни проклинали его, а теперь решили поиграть с нашими жизнями? Вам доставляет удовольствие смотреть, как мы страдаем? О, какая почтенная княгиня, вы открыли мне глаза!

— Жена, довольно! Как можно говорить подобное при посторонних? — рявкнул Лэн И.

Услышав, что муж защищает Цзо Хунцю, Цзян Ляньцин разрыдалась еще пуще: Конечно! Вы теперь такой важный! Когда Поместье герцога оклеветали, и старый герцог оказался в беде, я, дочь благородного рода, пришла к вам, взяв с собой всё приданое, наплевав на людские пересуды! А теперь вы, господин герцог, загордились и начали гнушаться мной и сыном?

Лэн И поморщился. Он не хотел выносить сор из избы. На границе он командовал сотней тысяч солдат и не моргнув глазом лишал жизни врага, но перед Цзян Ляньцин был совершенно бессилен.

Цзо Хунцю сохранял невозмутимость. Он не собирался оправдываться. На столике у кровати слуги подготовили кашу для господ, которые еще не обедали. Он подошел, взял миску и, обернувшись к Цзян Ляньцин, спокойно улыбнулся: Госпожа, не стоит так волноваться. Маленький господин просто проголодался, вот и беспокоится из-за пустоты в животе.

Цзян Ляньцин замерла. Ребенок, только что метавшийся по кровати, вдруг притих, когда к нему поднесли миску с кашей.

— Кормилица, быстрее ложку! — вскричала она.

Кормилица взяла миску из рук Цзо Хунцю и, зачерпнув немного жидкой каши, поднесла к губам А-Ху.

Тот перестал метаться, проглотил кашу и с таким жадным нетерпением потянулся за добавкой, что все оторопели.

— Скорее, кормите еще! — в слезах радости проговорила Цзян Ляньцин.

Вскоре А-Ху съел всю порцию. Беспокойство и хаотичные движения исчезли, и ребенок, свернувшись калачиком, крепко уснул. Лэн И и Цзян Ляньцин почувствовали, как огромный камень свалился с их плеч.

Поняв, что наговорила лишнего, Цзян Ляньцин неловко улыбнулась княгине, но не нашла в себе сил извиниться открыто.

Лэн И, напротив, был прямолинеен. Страхнув с себя мрачное напряжение, он бодро рассмеялся: Ваше врачебное искусство поистине великолепно, вы достойны своего рода. Простите за сказанные ранее слова, это было лишь отцовское беспокойство. Не принимайте близко к сердцу.

Цзо Хунцю улыбнулся: Не стоит благодарности. У ребенка накопился застарелый холод, отсюда и симптомы. Продолжайте давать лекарство по рецепту старца Лу еще три дня, и он полностью поправится. Раз уж всё наладилось, мне пора.

Лэн И подумал, что если случится что-то непредвиденное, то до Резиденции Девятого князя рукой подать, и кивнул: Что ж, вы проделали долгий путь, это утомительно. Кто-нибудь!

Лю Шэн поспешно подбежал: Господин, слушаю.

— Выпишите пятьсот лянов серебра и немедленно отправьте в Резиденцию Девятого князя, — Лэн И сделал паузу, — лично в руки княгине Цзю. Понял?

— Слушаюсь, господин.

Лэн И поклонился остальным врачам: Благодарю за труды. Поместье выплатит двойное вознаграждение.

Лекарь Ван, видя, что Лэн И больше не обращает на него внимания, с ненавистью посмотрел на Цзо Хунцю. Ай Ливэнь же после того, как А-Ху уснул, забился в угол и не смел поднять головы.

Неожиданно один из врачей решился спросить: Княгиня, позвольте узнать, что за лекарство вы добавили в отвар женышняя, что остановило рвоту?

Даже Лу Тайхун устремил на него взгляд. В медицинском сообществе, как и в мире боевых искусств, были свои секреты, передаваемые из поколения в поколение. Спрашивать о таком — верх неприличия.

Цзо Хунцю ответил спокойно: В этом нет секрета. Если благодаря этому методу вы сможете спасти больше детей, это будет благом.

— Это был черный перец. Он возбуждает аппетит, а его главное свойство — направлять действие лекарства вниз, что прекрасно помогает при рвоте. Я велела кормилице растолочь перец и имбирь, сварить их, а затем добавить в отвар женьшеня в пропорции одна часть перцового отвара на десять частей женьшеневого. Голодный ребенок не только не ослабнет от такой дозы, но и почувствует аппетит. Делюсь этим с вами.

Все были ошарашены такой прямоотой. Их пренебрежение сменилось глубоким уважением. Перец был редкой специей, привезенной из Западного края еще во времена династии Хань, и стоил целое состояние. Обычные врачи просто не имели с ним дела и не знали его свойств.

Врачи, пораженные бескорыстием княгини, чувствовали стыд. Если бы подобная тайна оказалась в их руках, они бы держали её при себе, используя как средство для возвышения над коллегами, но никак не стали бы делиться ею просто так.

Лу Тайхун погладил бороду: Достоинно восхищения, поистине достойно!

Цзо Хунцю ответил: У врача должно быть сострадательное сердце. Надеюсь, этот способ спасет много детских жизней. Ведь нет ничего важнее человеческой жизни.

Лэн И, услышав эти слова, проникся к Цзо Хунцю еще большим уважением.

— Дядя, тетя, старец Лу, господа, мне пора возвращаться.

Лэн И лично проводил его до ворот: Не буду тратить слова на пустые благодарности. Пока я занимаю пост герцога, дела племянника — мои дела.

Цзо Хунцю мягко улыбнулся: Дядя, вы слишком строги к себе. Девятый князь слаб здоровьем, и в будущем мне еще не раз потребуется помощь Поместья герцога.

— Разумеется.

Терпеливо ожидавший снаружи Цзы Хань, увидев свою госпожу, чуть не бросился к нему.

— Пойдем, домой, — устало сказал Цзо Хунцю.

Карета мерно покачивалась на ходу. Цзо Хунцю откинулся на спинку сиденья, погрузившись в свои мысли. Перед глазами вновь возник тот юноша в белых, словно снег, одеждах.

Хрупкий подросток протянул бледную руку. Его улыбка была печальной и нежной, словно он мог рассыпаться в прах вместе с опавшими цветами. Они крепко сжали руки и бежали сквозь бескрайнее море цветов.

Увидев, что юноша устал, он прижал его к себе и, чувствуя боль в сердце, прошептал: Станешь моей невестой?

Юноша рассмеялся, и его болезненное лицо озарилось странным светом: Не выйдет. Если кто и будет жениться, так это я!

Солнце садилось за горизонт. Они сидели спина к спине под большим деревом, вдыхая прохладу горного ветра. Он до сих пор помнил тепло этой спины. В тот знойный вечер они лежали на мягкой траве, боясь пошевелиться, чтобы хрупкое видение не исчезло. Они целовались и обнимались, не зная, как зайти дальше.

Карета внезапно остановилась. Скрипнула дверь. Цзо Хунцю вздрогнул: образ из воспоминаний слился с лицом Девятого князя, ожидающего его у входа.

— Вернулась? — Девятый князь смотрел на него с улыбкой, в которой, несмотря на все старания, сквозила скрытая тревога.

Цзо Хунцю улыбнулся: Да, вернулся.

Неизвестно когда, но на обветшалых стенах двора пробились зеленые ростки плюща, а сугробы в тенистых местах растаяли. Вдоль стены зацвел зимний жасмин, и Резиденция Девятого князя, казавшаяся зимой унылой, теперь выглядела живой и свежей.

За полмесяца тщательного ухода княгини Девятому князю стало гораздо лучше. Даже астма, которую долго не могли вылечить, почти перестала его беспокоить.

В этот день Девятый князь, держа книгу, лениво возлежал в плетеном кресле под открытым небом. Солнце мягко ласкало кожу, и его неудержимо клонило в сон.

— Хорошо же вы отдыхаете, супруг мой, — раздался рядом насмешливый голос.

Девятый князь открыл глаза: Ты пришел.

Цзо Хунцю с сияющей улыбкой подошел и укрыл его тонким одеялом: Хоть уже и весна, но воздух всё еще прохладен. Ты только поправился, береги себя.

Девятый князь выпрямился, глядя на жену, чья красота соперничала с цветами, и впервые почувствовал, как внутри него разгорается жаркое пламя.